

По подляшью ¹⁾.

Посадъ Ломазы и его окрестности.

I.

Исторія посада.

Настоящій очеркъ моихъ путевыхъ замѣтокъ я посвятилъ посаду Ломазы, расположенному въ центрѣ Подляшья, находя, что эта мѣстность можетъ представлять изъ себя интересъ любителямъ старины вообще, а въ частности лицамъ, близкимъ къ нашему Забужью. Ломазы и прилегающія къ нимъ мѣстности—древнѣйшія поселенія Подляшья и здѣсь впервые поселились татары, о появленіи которыхъ въ Царствѣ Польскомъ имѣются самыя скудныя свѣдѣнія.

Въ 16 верстахъ отъ ст. Бѣлы, Варшавско-Брестскаго участка Привислинскихъ жел. дор. по шоссе расположено одно изъ древнѣйшихъ поселеній Подляшья—посадъ Ломазы, о которомъ имѣются два преданія его возникновенія, по одному—селеніе „Ломаки“ или „Ломазы“, было нѣкогда расположено на самомъ берегу р. Зелявы въ урочищѣ „Церковиско“ въ очень близкомъ разстояніи отъ мѣста нахождения нынѣшняго посада; въ пользу этого преданія гово-

¹⁾ Источники, послужившіе матеріаломъ для настоящаго историческаго очерка: Холмская Русь П. Н. Батюшкова, Червенскіе города А. В. Лонгинова, Холмско-Варшавскій епарх. вѣстникъ 1886, 1891 и 1902 г.г., матеріалы для этнографіи Сѣдлецкой губ. И. В. Бессараба, Лѣтопись Ломазской церкви за 1876—1906 г.г. и личныя наблюденія и разспросы на мѣстѣ старожилъ.

рить то, что названное урочище лежитъ на возвышенномъ мѣстѣ, на самой рѣкѣ и здѣсь же разбросано большое количество громадныхъ камней. Другое сказаніе народное объясняетъ происхождение названія „Ломазы“ такимъ образомъ: въ незапамятныя времена пришли враги въ страну, покрытую непроходимыми лѣсами и напали на древнія жилища, расположенныя по берегамъ р. Зелявы; жители, съ цѣлью защиты отъ нападенія, рубили лѣсъ (ломъ) и заграждали путь неприятелю и на этихъ огражденіяхъ и было основано селеніе Ломазы (Ломаки).

О Ломазахъ, какъ городъ, упоминается въ исторіи лишь въ первой половинѣ XV вѣка, по слѣдующему именно случаю: Ломазы и Любичи входили въ составъ Литовскаго княжества, поляки захватили ихъ и подчинили Парчевской экономіи, на этотъ захватъ литовцы въ 1446 г. подали жалобу польскому королю Казимиру IV Ягелончику, который, уваживъ эту просьбу, возвратилъ обратно названные выше два города Литвѣ и присоединилъ ихъ къ землѣ Брестско-Литовской ¹⁾. Эти историческія данныя свидѣтельствуютъ о томъ, что Ломазы, очевидно, существовали еще въ болѣе древнія времена.

Первыми поселенцами Ломазъ были славяне, это безспорно, ибо историки какъ древніе, такъ и настоящіе категорически указываютъ, что на пространствѣ между р.р. Вислой и Западнымъ Бугомъ съ самыхъ незапамятныхъ временъ проживали славянскія племена ²⁾, среди которыхъ была распространена православная вѣра иноками Кіево-Печерской лавры, и этимъ русскимъ славянамъ главнымъ образомъ и обязаны Ломазы своимъ основаніемъ.

Посадъ Ломазы, благодаря своему удобному для торговли мѣстоположенію (между Брестомъ и Люблиномъ) на границѣ Литвы и Польши все болѣе и болѣе разрастался и уже въ XVI в. превратился въ большой городъ, въ которомъ, благодаря старанію православнаго собственника его Евстафія Волловича, государственнаго челоуѣка того времени и великаго патріота Литвы, грамотами королей Владислава IV (29 апр. 1533 г.) и Сигизмунда Августа (6 окт. 1568 г.) укрѣплено Магдебургское право со всѣми привилегіями и городу этому присвоенъ особый гербъ съ изображеніемъ въ немъ волчьей головы, поддерживаемой орлиными лапами. Въ числѣ привилегій, предоставленныхъ этими королями, между прочимъ, было освобожденіе города за надѣленные ему земли и угодья отъ взноса

¹⁾ Батюшковъ 28 и Лонгиновъ 196.

²⁾ Ревизія Дмитрія Сапѣги 25 апрѣля 1566 г.

въ казну повинностей и податей за время 1566—1570 г.г. ¹⁾. Это исключительное положеніе Ломазь было вызвано тѣмъ, чтобы защитить этотъ русско-литовскій посадъ отъ гнета польскаго и оградить вѣру православную отъ католическаго вліянія; эти мѣры были особенно важны потому, что черезъ нѣсколько мѣсяцевъ предполагалась Люблинская унія, цѣлью которой было совершенное поглощеніе Польшею княжества Литовскаго. Благодаря этимъ условіямъ городъ Ломазы сталъ быстро заселяться и обогащаться, чему много способствовало съ одной стороны географическое положеніе его при р. Зелявѣ, притокѣ Кржны, впадающей въ Бугъ, какъ сплавной рѣкѣ, такъ и главному грунтовому пути между Брестомъ и Люблиномъ, съ другой, отсутствію евреевъ, и тѣмъ самымъ сосредоточенію въ рукахъ ломазскихъ гражданъ всего земледѣлія, ремесель и торговли. Послѣднее обстоятельство подтверждается тѣмъ, что въ ревизіи Дмитрія Сапѣги не встрѣчается ни одного имени и фамиліи еврейскихъ, а также прямымъ указаніемъ „торгъ поставляемъ и даемъ имъ мети въ дни субботни на кажды тыдень“ ²⁾.

Такимъ образомъ евреевъ въ то время въ Ломазахъ не было, ибо въ противномъ случаѣ былъ бы назначенъ для торговли не субботній, а другой день. Въ 1776 году на варшавскомъ сеймѣ было рѣшено уничтожить въ столовыхъ королевскихъ имѣніяхъ Магдебургское право, но въ Ломазахъ приведеніе этого рѣшенія въ исполненіе встрѣтило упорное сопротивленіе, и лишь крутыми мѣрами и грубою силою въ 80-хъ годахъ XVIII столѣтія королевскаго старосты Тизенгаузена, ломазскіе мѣщане были лишены ихъ имущества и привилегій и зарегистрированы крѣпостными. Всѣ жалобы на незаконныя и произвольныя распоряженія не получили удовлетворенія, и только Высочайшій Указъ 19 февраля 1864 года освободилъ ихъ наравнѣ со всѣми крестьянами отъ крѣпостной зависимости.

1 іюня 1869 года городъ Ломазы, какъ имѣющій менѣе 5.000 народонаселенія, переименованъ въ посадъ съ замѣною магистратскаго управленія гминнымъ.

На этомъ краткомъ описаніи я и оканчиваю исторію, пережитую посадомъ Ломазы.

¹⁾ Лонгиновъ 17.

²⁾ Евреи поселились лишь съ 8 іюня 1744 г., съ того дня, какъ всѣ шинки королевскою комиссіей переданы были изъ рукъ мѣщанъ-христіанъ евреямъ.

II.

Ломазская церковь.

Построение первой церкви въ Ломазахъ относится, по народнымъ преданіямъ, къ глубокой древности; указывается даже точное мѣсто, гдѣ она стояла, сохранившее и понынѣ свое древнее названіе „Церковиско“, на этомъ мѣстѣ, какъ упомянуто выше, и былъ древній городъ. Здѣсь же и было кладбище, чему свидѣлствуютъ камни съ выдолбленными на нихъ крестами ¹⁾: есть основаніе къ предположенію, что первые пионеры распространенія православной вѣры иноки-сподвижники св.св. Антонія и Θεодосія Печерскихъ (XI и XII в.в.) избрали это мѣсто для построения одной изъ первыхъ церквей въ Прибужскомъ краѣ. Храмъ этотъ, по преданію, былъ освященъ въ честь безсребренниковъ Косьмы и Деміана и во имя тѣхъ же святыхъ угодниковъ была построена вторая церковь въ Ломазахъ уже по перенесеніи посада въ настоящее мѣсто (1533). Эта церковь, вѣроятно, построена 27 іюня 1688 г., судя по сохранившейся надъ косякомъ входныхъ дверей надписи ²⁾. Какъ по расположенію алтаря (на востокъ), такъ и другимъ данымъ, церковь эта искони была православная ³⁾. Она совершенно обветшала и въ 1890 г., по постановленію мѣстнаго братства, весь годный матеріалъ былъ переданъ въ Горбачевскій православный приходъ для постройки церковно-приходской школы въ дер. Колодѣ. Инвентарь обветшавшей церкви перенесенъ частью въ новый ломазскій храмъ, именно, чудотворная икона Спасителя въ терновомъ вѣнцѣ, помѣщающаяся и нынѣ надъ царскими вратами въ особомъ кіотѣ, частью въ мѣстную кладбищенскую церковь ⁴⁾, гдѣ

¹⁾ Въ іюнь мѣсяцѣ 1894 года учитель Ломазскаго начальнаго училища Демьянъ Жукъ (нынѣ ипотечный секретарь въ г. Вѣлѣ) нашелъ въ этомъ мѣстѣ, за рѣкою Зелавой, между полями крестьянъ дер. Студзянка и Любенка, указанія на погребеніе и по раскопкѣ этого мѣста обнаруженъ скелетъ, голова котораго обращена къ востоку, здѣсь же найдены два камня съ высѣченными на нихъ крестами, при чемъ одинъ изъ крестовъ осьмиконечный, все это свидѣлствуетъ о существованіи въ этой мѣстности въ давнія времена православнаго кладбища.

²⁾ „Року Божьяго 1688 г. мѣсяца іюня 27 дня.

³⁾ Въ помянникѣ Яблочинскаго Свято-Онуфріевского монастыря за 1688, 89 и 90 г.г. упоминаются записи о поминовеніи жителей изъ гор. Ломазь.

⁴⁾ Сооружена въ 1855 г. и освящена во имя Іоанна Богослова; въ 1870 г. церковь эта совершенно обветшала и лишь въ 1883 г. средствами мѣстнаго братства отремонтирована.

и въ настоящее время хранятся остатки иконостаса ¹⁾ (лики 12 апостоловъ) и одна половина царскихъ вратъ. На мѣстѣ упраздненнаго храма сооруженъ братскими средствами крестъ на каменномъ пьедесталѣ, сохранившійся и по нынѣ; здѣсь же осталась и деревянная звонница, старинной архитектуры, совершенно сгнившая и близкая къ паденію въ самомъ недалекомъ будущемъ. На ней имѣются три колокола, на одномъ изъ нихъ, самомъ большомъ, отчетливо видны годъ „1706“ и надпись по-польски о сооруженіи его ломазскимъ церковнымъ братствомъ, а на двухъ другихъ, меньшихъ славянская надпись „Року Божія ящме“ (1745). Вблизи старой церкви на посадскомъ плацу въ честь тѣхъ же святыхъ 22 октября 1891 года была торжественно освящена вновь выстроенная, нынѣ существующая, церковь очень хорошей архитектуры, строго выдержаннаго византійскаго стиля. Интересно то, что этотъ новый храмъ, по преданію, подтвердившемуся и нѣкоторыми фактическими данными, былъ сооруженъ на томъ самомъ мѣстѣ, на которомъ лѣтъ 300 или больше тому назадъ стоялъ древлеправославный храмъ; подтвержденіемъ этому предположенію служитъ, во-первыхъ, то, что разъ сохранившаяся старая церковь была построена по однимъ источникамъ въ 1688 г., а по другимъ въ 1668 г., то естественно, до того времени былъ православный храмъ въ Ломзахъ, вѣроятно, разрушенный или шведами или поляками во время войнъ, бывшихъ преимущественно изъ-за религіозныхъ интересовъ, или при насильственномъ насажденіи уніи, ибо въ противномъ случаѣ возможно ли допустить, чтобы городъ имѣлъ свою церковь за двѣ версты (Церковиско) внѣ его границы, а во-вторыхъ, что при раскопкахъ грунта подъ фундаментъ для новой церкви, найдено нѣсколько древнихъ серебряныхъ монетъ, вѣроятно, положенныхъ при закладкѣ прежняго храма.

До XVIII вѣка Ломазская церковь пребывала въ православіи, съ этого же года началось постоянное измѣненіе внѣшняго вида храма и внутренней его жизни, и онъ постепенно все болѣе и болѣе сталъ приближаться къ костелу, какъ по обрядамъ, такъ и по чину богослуженія. Время это относится къ 1780 году, именно тому періоду жизни Ломазъ, когда пройсками упомянутого выше Тизенгаузена личная свобода мѣщанъ была сведена на нѣтъ и всѣ ихъ владѣнія (52 уволоки) были забраны и они обращены были въ крѣ-

¹⁾ Тотъ самый иконостасъ, который былъ уничтоженъ Тимошеемъ Щуровскимъ, ревностнымъ послѣдователемъ уніи, но подъ конецъ своей жизни возвратившимся снова въ католичество и похороненнымъ въ г. Парчевѣ на католич. кладбищѣ.

постныхъ крестьянъ, вотъ въ это-то время и совершилось посягательство на ихъ святую вѣру, но благодаря ихъ стойкости, лишь въ 1785 году монахи Бѣльскаго базилианскаго монастыря положили начало уніи въ Ломазахъ. Въ этотъ годъ уничтоженъ иконостасъ ¹⁾, и поразительно, что никакого сопротивленія этому своеволію Тизенгаузена оказано не было, объясняется это тѣмъ только, что послѣдній своими звѣрскими и излишне крутыми мѣрами навелъ на жителей города такую панику, что многіе изъ нихъ покинули свои жилища и бѣжали въ окрестные лѣса; ближайшимъ сподвижникомъ Тизенгаузена былъ Тимофей Щуровскій, начальникъ миссіи Базилианскаго ордена, суперіоръ Бѣльскаго монастыря. Окончательному паденію православія и даже полному приближенію уніи къ католицизму способствовалъ бывшій въ 1795 г. пожаръ, уничтожившій до тла римско-католическій костелъ, и съ этого года ксендзы отправляли свои мессы въ мѣстномъ храмѣ и благодаря совершенному ополяченію уніатскихъ священниковъ, получившихъ образованіе отъ монаховъ римско-католическаго ордена, издревле православная церковь во имя Св. Козьмы и Деміана стала праздновать свой храмовой праздникъ не 1 ноября, а 29 іюня, въ день святыхъ апостоловъ Петра и Павла, во имя коихъ былъ освященъ истребленный пожаромъ костелъ. Въ церкви совершались латинскіе отпусты и раздавались папскія индульгенціи. Такъ продолжалось долгое время и даже послѣ постройки новаго костела въ 1854 году, ксендзы находили умѣстнымъ совершать иногда богослуженія въ уніатской церкви, чему, какъ ни странно, не препятствовало уніатское духовенство, даже способствовало этому — одинъ священникъ ввелъ въ употребленіе органъ, пріобрѣтенный Ломазскимъ братствомъ за 138 злотыхъ и 13 грошей; вслѣдъ за этимъ новшествомъ въ церкви стали пѣть польскія пѣсни, а въ 50-хъ годахъ все русское и православное было окончательно вытѣснено изъ церкви, вмѣсто чтенія часовъ передъ литургіей пѣлись польскія „годзинки“, а вмѣсто молебновъ и акаѳистовъ—рожанцы. Только въ 1875 году воспослѣдовало соединеніе уніатовъ въ православной церкви и возобновилось богослуженіе древле православное.

Такимъ образомъ въ посадѣ Ломазахъ было три церкви, а вѣроятнѣе всего существовала и четвертая — первая доисторическая въ урочищѣ Церковиско, вторая на мѣстѣ находенія нынѣ церкви (съ 1533 г.), третья, построенная въ 1688 или 1668 г.г. и четвертая—1891 года.

¹⁾ Объ иконостасѣ упомянуто выше.

Необходимо сказать еще нѣсколько словъ о церковно-приходскомъ братствѣ. Оно, какъ упоминаетъ сохранившійся при дѣлахъ церкви старинный документъ, существовало съ незапамятныхъ временъ, именно со времени образованія первыхъ братствъ Львовскаго и Виленскаго, утвержденныхъ константинопольскимъ патриархомъ Іереміей (1589 г.). Это предположеніе вытекало изъ того, что, какъ указано выше, покровитель Ломазъ подканцлеръ великаго княжества Литовскаго православный дворянинъ Волловичъ, исходатайствовалъ для своего города Магдебургское право, желалъ и охранять въ этомъ городѣ православіе отъ всякихъ посягательствъ, съ какою цѣлью открылъ въ немъ, по примѣру Виленскаго братства, церковно-приходское братство.

Братство это дѣйствовало энергично въ первые годы своей жизни, но потомъ, благодаря апатіи и обезличенію руководителей его, мѣстныхъ настоятелей, съ каждымъ годомъ падало и свело свою дѣятельность лишь къ приобрѣтенію воска для свѣчей; въ довершеніе всего въ 1860 году оно, единственное изъ всѣхъ существовавшихъ братствъ, стало именоваться „архибратствомъ“, поставившимъ себѣ цѣлью обряды и богослуженія греко-восточной церкви замѣнить западными—латинскими. Лишь въ 1881 году уже по соединеніи холмско-подляшскихъ униатовъ съ православною церковью, былъ изданъ новый уставъ для всѣхъ приходскихъ братствъ епархіи и съ этого года Ломазское братство было возстановлено.

III.

Окрестности посада Ломазъ.

а) дер. Студзянка.

Въ 2-хъ верстахъ отъ посада Ломазъ находится деревня Студзянка, гдѣ впервые поселились татары въ Царствѣ Польскомъ. Къ сожалѣнію точныхъ свѣдѣній ¹⁾ о времени заселенія ими этой деревни не имѣется, такъ какъ всѣ письменные документы, хранившіеся въ мѣстной мечети, уничтожены пожаромъ, истребившимъ около 100 лѣтъ тому назадъ мечеть со всѣми хранящимися въ ней памятниками старины.

Относительно времени и обстоятельствъ, при которыхъ татары появились въ дер. Студзянкѣ, сохранилось только преданіе, которое можно считать вполне достовѣрнымъ, въ связи съ нѣкоторыми исто-

¹⁾ Татары поселились въ этой мѣстности въ началѣ XV вѣка при великомъ князѣ литовскомъ Витовтѣ (Бессарабъ 197).

рическими данными, на которыя я и сошлюсь. Вотъ какъ гласить это преданіе: Король Янъ Собѣскій (1674—1696 г.) болѣе 200 лѣтъ тому назадъ, въ силу сложившихся тогда для него неблагопріятныхъ обстоятельствъ и осложненій—политическихъ и внутренней неурядицы, потерялъ довѣріе къ своей придворной стражѣ и просилъ турецкаго султана ¹⁾ прислать ему въ Варшаву 400 человекъ лучшихъ и надежнѣйшихъ солдатъ съ офицерами во главѣ, предложивъ имъ занять особое близкое къ нему положеніе, образовавъ отрядъ опричниковъ или тѣлохранителей. Просьба эта султаномъ была исполнена, и вскорѣ были высланы въ Варшаву выдающіеся красотой и отвагою воины, которые, пробывъ на службѣ всего лишь около 10 лѣтъ и послѣ успокоенія края, были отпущены королемъ Собѣскимъ домой съ награжденіемъ ихъ всевозможными привилегіями, а офицерамъ кромѣ сего были дарованы земли изъ королевскихъ имѣній Брестской экономіи. Имѣются даже свѣдѣнія, кто изъ татаръ какія получили деревни и имѣнія: Азулевичъ—Студзянку и Ортель-Королевскій (Княжескій Ортель принадлежалъ кн. Радзивиллу), братья Бѣляки—Кошолы, Костеневичи и Полоски, Лисовскій, Бучадскій, Чимбаевичъ, Богуяновичъ, Романовичъ и др.—большіе и малые Малашевичи, Михалковъ, Троянки, Ольшинъ, Рудно и др., и такимъ образомъ вся эта обширная мѣстность очутилась въ рукахъ татаръ. Офицеры стали помѣщиками, а солдаты, не возвратившіеся на родину, что составило большинство, поступили къ нимъ на службу. Интересно то, что Собѣскій, надѣляя татаръ привилегіями и землями, разрѣшилъ имъ жениться на полькахъ-католичкахъ, при этомъ дѣти отъ этихъ браковъ могли быть магометанами; послѣ этого распоряженія многіе офицеры и солдаты женились на полькахъ и нѣкоторые изъ нихъ приняли фамиліи жень.

Самое большее число татаръ въ упомянутыхъ мѣстностяхъ доходило до 5.000 чел., а въ Студзянкѣ до 170 чел., которые составляли до 30 семействъ. Главное ихъ занятіе было всегда земледѣліе, и только немногіе изъ нихъ находились на военной или гражданской службѣ.

Послѣ освобожденія крестьянъ магометане-помѣщики обѣднѣли, большинство изъ нихъ продали свои имѣнія и разбрелись въ разныя стороны, такъ что въ настоящее время изъ 5.000 человекъ осталось всего лишь нѣсколько десятковъ душъ, а въ Студзянкѣ всего 8 семействъ (около 40 душъ). Всѣ они полуинтеллигентные и занимаются по-прежнему земледѣліемъ.

¹⁾ Магомета IV.

Когда Янъ Собѣскій заселялъ татарами новую (въ то время) деревню Студзянку вблизи самаго города Ломазъ, то надѣлилъ ихъ землею изъ Ломазской королевской экономіи; впоследствии при королѣ польскомъ Іоаннѣ III татарскій ротмистръ Романовскій успѣлъ всевозможными способами отнять у ломазцевъ еще 68 уволокъ изъ чиншевой земли. Тогда жители города Ломазъ подали жалобу королю Августу II, и послѣдній грамотою 1698 года, въ коей онъ, именуя себя королемъ польскимъ, великимъ княземъ Литовскимъ, Русскимъ, Прусскимъ, Жмудскимъ, Мазовецкимъ, Кіевскимъ, Волинскимъ, Подольскимъ, Подляскимъ, Смоленскимъ, Сѣверскимъ и Черниговскимъ, владѣтельнымъ княземъ Сакскимъ (Саксонскимъ) и Electorim, повелѣлъ Романовскому возвратитъ ломазцамъ всѣ 68 уволокъ со всѣми прежде дарованными имъ правами и привилегіями, предоставивъ имъ навсегда свободную аренду этими землями ¹⁾.

Здѣсь считаю не лишнимъ возвратиться вновь къ Ломазскому кладбищу „Церковиско“. До перенесенія гор. Ломазъ на настоящую территорію всѣ земли возлѣ упомянутаго кладбища принадлежали Ломазскому обществу, а затѣмъ уже перешли въ вѣдѣніе Ломазской королевской экономіи. Когда же король Янъ Собѣскій заселилъ татарами дер. Студзянку, кладбище это, какъ входящее въ составъ земель королевской экономіи, попало въ руки татаръ и въ вѣдѣніи ихъ состояло до 1889 года,—времени приобрѣтенія этого мѣста однимъ православнымъ крестьяниномъ. Въ посадѣ и нынѣ существуетъ преданіе, что это святое мѣсто, хотя бывшее долгое время во владѣніи невѣрныхъ, осталось чистымъ, святымъ; говорятъ, что одинъ татаринъ дерзнулъ запахать, эту мѣстность, но тотчасъ же волю его пали замертво, и съ этого памятнаго дня и татары боялись не только вспахивать эту землю, но и трогать разбросанные на ней камни-памятники вѣчнаго покоя древнихъ православныхъ ломазцевъ.

Въ дер. Студзянкѣ имѣется мечеть, деревянная, небольшихъ размѣровъ и не изящной архитектуры, единственная на пять губерній въ Привислинскомъ краѣ, она построена въ 1817 году на средства магометанъ, мечеть эта уже третья по числу, первая двѣ уничтожены пожаромъ. Студзянскіе татары непоколебимо придерживаются своей вѣры, живутъ дружно съ сосѣдями-односельчанами, и

¹⁾ Вышеупомянутая грамота написана на пергаментѣ, скрѣплена большою сургучною королевскою печатью, пришнурованною и прикрѣпленною въ металлической коробкѣ и подписана (собственноручно) Augustus rex; хранилась она первоначально въ Ломазскомъ гминномъ управленіи, а нынѣ у мѣстнаго ксендза.

большинство изъ нихъ говоритъ по-польски, что и вполне понятно, такъ какъ каждая семья — потомки татарина и польки; при этомъ долженъ сказать, что они совершенно не сторонятся русскихъ и если только мало-мальски объясняются на русскомъ языкѣ, то охотно вступаютъ въ разговоръ и идутъ навстрѣчу поддержать его, хотя бы имъ это стоило большихъ затрудненій. Это отношеніе татаръ къ русскимъ служитъ явнымъ доказательствомъ, что, несмотря на близость ихъ по крови къ полякамъ, они не только не питаютъ къ русскому населенію антагонизма, но, наоборотъ, всѣми средствами стараются поддержать съ нимъ самыя лучшія отношенія. Въ Царствѣ Польскомъ всего два муллы, изъ коихъ одинъ проживаетъ въ дер. Студзянкѣ, а другой въ городѣ Волковыскѣ, Сувалкской губ.; при каждомъ изъ нихъ состоитъ маязимъ (діаконъ), они выбираются на должности мѣстнымъ населеніемъ и утверждаются губернаторомъ, духовное же ихъ начальство „муфти“ проживаетъ въ гор. Уфѣ. Все богослуженіе совершается на арабскомъ языкѣ и лишено всякой пышности и обрядности, собираются въ мечеть по пятницамъ ¹⁾, когда бываетъ „Теубе“ — исповѣдь передъ престоломъ Всевышняго. Обрядъ похоронъ „Намозъ Джума“ состоитъ въ запечатаніи гроба при чтеніи Корана и молитвъ; вообще все богослуженіе состоитъ только изъ чтенія. Всѣхъ мусульманъ въ краѣ до 600 человекъ.

б) урочище Глухъ.

Само названіе наводитъ уже на мысль, что мѣстность эта, лежащая вблизи посада около р. Зелявы, издревле была покрыта дремучими лѣсами и представляла, какъ и нынѣ сохранила, тотъ недоступный видъ, благодаря непроходимымъ болотамъ, увеличивающимся во время весенняго половодія, когда эта мѣстность образуетъ изъ себя островъ, окруженный широко полосой разлившейся воды. Достаточно быть на мѣстѣ, чтобы придти къ несомнѣнному убѣжденію, что издревле оно служило убѣжищемъ для окрестныхъ жителей отъ набѣговъ непріятелей, созданнымъ самою природою.

Эта мѣстность, а равно и къ ней прилегающія были населены еще до распространенія христіанства, чему наглядно свидѣтельствуютъ найденныя языческія могилы; одна изъ нихъ была открыта при слѣдующихъ условіяхъ: крестьянинъ дер. Любенка Василій Ярошукъ въ 80 годахъ, замѣтивъ, что въ одномъ мѣстѣ на его полѣ плохой урожай, желалъ доискаться причины этого явленія, для чего и рѣшилъ раскопать землю, при чемъ на незначительной глубинѣ

¹⁾ Въ пятницу было объявленіе въ г. Меднѣ Корана (1252 г.).

наткнулся на цѣлую груду громаднхъ камней, а подъ ними покоились кости челоуѣка-великана; отсутствіе предметовъ обряда погребенія, по удостовѣренію археологовъ, служило неопровержимымъ доказательствомъ того, что кости этого богатыря принадлежатъ дикарю-ятвягу, проживавшему здѣсь въ доисторическія времена. Въ этой же мѣстности нѣсколько лѣтъ тому назадъ были найдены при раскопкѣ нѣкоторые предметы домашняго быта, относящіеся по ихъ внѣшнему виду въ эпохъ X вѣка; результаты этихъ раскопокъ заставляютъ съ довѣріемъ отнести къ преданію, гласящему, что на „Глуховѣ“ въ давно минувшія времена существовало русское поселеніе съ православною церковью, основанное еще задолго до введенія уніи. Вотъ какъ говоритъ народъ на своемъ языкѣ объ этомъ обстоятельстве: „Кажуть, що на Глухови колись была церква, но запалася. На Великдень, на першій день, якъ люде вышли изъ церкви, баба зачала замитати церкву и ударилася ногою о порогъ, и заклала: „А щобъ тая церква запалася“. И церква запалася и вышла въ Кієви. И де туолько западетця церква, то виходить въ Кієви и оттого въ Кієви такъ мноого церквуовъ. Коли прійти на Великдень, на першій день на Глухъ, на тоє мієсьце, де церква стояла, и нагнутися до самой земли и слухати, то чути якъ званы звонять и якъ співають въ туой церкви. Но не всіє почують якъ звонять и співають въ туой церкви, добавляють инне разказчики, а туолько щасливи у Бога“.

Это народное преданіе свидѣтельствуєтъ о церковно-религіозной связи русскаго Подляшья съ древнимъ Кієвомъ во времена удѣльныхъ русскихъ князей, впоследствии же историческая связь эта (со времени введенія уніи 1596 г.) постепенно ослабѣвала и наконецъ окончательно порвалось. Во всякомъ случаѣ это преданіе ясно указываетъ, что Глуховская церковь была православная, видно это изъ того, что народъ считалъ ее въ числѣ кієвскихъ православныхъ святынь.

Независимо отъ существованія упомянутой православной церкви въ этой мѣстности, въ народѣ сохранились многія легенды, переходившія отъ поколѣнія къ поколѣнію въ теченіе многихъ вѣковъ, которыя въ общемъ сводятся къ тому, что урочище Глухъ въ воображеніи народа рисуется какимъ-то заколдованнымъ мѣстомъ, возбуждающимъ суевѣрный страхъ въ окрестномъ населеніи.

в) Монастырище.

Въ 6 верстахъ отъ посада Ломазы вблизи селъ Ортеля и Докудова пользуется извѣстностью мѣсто „Монастырище“; по народному преданію здѣсь находился древній православный монастырь, осно-

ванный, по всей вѣроятности, во времена удѣльныхъ русскихъ князей и прекратившій свое существованіе уже лѣтъ 300 и болѣе тому назадъ. Расположенъ онъ былъ на недоступномъ возвышенномъ луговомъ островѣ; подтвержденіемъ преданія существованія Докудовскаго монастыря служитъ отчасти самая мѣстность, на которой еще имѣются слѣды бывшей жизни, именно, искусственно сооруженный валъ, при фруктовыхъ деревьяхъ, кирпичи и наконецъ въ землѣ находятъ большое количество человѣческихъ костей; предположеніе это подтверждается и другими данными—Докудовская церковь построена въ 1716 году Карломъ Радзивилломъ, между тѣмъ какъ въ ней мы находимъ много иконъ, книгъ и церковныхъ принадлежностей, начала XVI в.; имѣя же въ виду, что въ этой мѣстности церкви не было, возможно съ полною вѣроятностью допустить, что сохранившіеся предметы старины въ этой церкви перенесены въ нее изъ бывшаго съ нею въ сосѣдствѣ монастыря. Наконецъ, о существованіи послѣдняго имѣется намекъ и у Батюшкова (Холмская Русь), именно, что Докудовскій монастырь находился „межи водами“¹⁾. Это мѣсто, вѣроятно, представляло изъ себя языческое кладбище, такъ какъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ при раскопкѣ холма-кургана, въ числѣ другихъ старинныхъ вещей, были найдены глиняные сосуды, наполненные пепломъ сожженныхъ покойниковъ, каковой обычай имѣлъ мѣсто въ языческія времена. Одинъ документъ—духовное завѣщаніе наглядно свидѣтельствуетъ, что Докудовъ и смежныя съ нимъ мѣстности были населены еще въ XVI в. русскими дворянами-помѣщиками, такъ какъ это завѣщаніе изложено на русскомъ языкѣ²⁾.

IV.

Обычаи, повѣрья и обряды.

Явнымъ доказательствомъ близости описываемой мною мѣстности къ коренной Руси, а къ Украйнѣ въ особенности, служатъ сохранившіеся до сего времени многіе древніе обычаи, повѣрья, пѣсни и обряды, занесенные сюда роднымъ по крови, плоти и вѣрѣ русскимъ народомъ. Къ сожалѣнію, большинство обычаевъ и пѣсенъ живутъ еще среди стараго поколѣнія, молодежь же предается и увлекается больше веселыми польскими пѣснями, а старые обычаи и пѣсни забросили. Вообще народные обычаи, а особенно повѣрья

¹⁾ Между рѣками Зелавой и Крмною; въ народѣ эта мѣстность известна подъ названіемъ „Намостырь“.

²⁾ Акты Виленской арх. комиссіи.

въ настоящее время значительно ослабѣли и нѣкоторыя изъ нихъ близки къ исчезновенію въ недалекомъ будущемъ, что же касается русскихъ религіозныхъ обычаевъ и обрядовъ, издревле вошедшихъ въ жизнь мѣстнаго населенія, то многіе изъ нихъ во время господства уніи замѣнились католическими, и послѣдніе такъ сильно вкоренились въ народныя массы, что исчезнуть, быть можетъ, только во время полного развитія въ народѣ сознанія своей національности.

Подѣлюсь съ читателями тѣми немногими остатками старины, сохранившимися еще въ нѣкоторыхъ семьяхъ и понинѣ: въ Рождественскій сочельникъ готовится обильный ужинъ (вечеру) изъ многихъ постныхъ блюдъ, до первой звѣзды (зоры) кромѣ маленькихъ дѣтей почти всѣ взрослые ничего не ѣдятъ и даже воды не пьютъ. Днемъ ходятъ по хатамъ мальчики и дѣвочки въ одиночку и поютъ: Ой, Коляда, Колядиця. Дайдэ мачку и кутицю и т. д. Имъ даютъ по маленькой булочкѣ, нарочно испеченной для этой цѣли. Вечеромъ, когда покажется на небѣ первая звѣзда, настилаютъ на столъ сѣна, закрываютъ его бѣлою скатертью (обрусомъ), а въ переднемъ углу подъ образами (на покути) ставятъ ржаной снопъ. Когда вся семья соберется въ хату на ужинъ, то передъ ѣдой, какъ всегда дѣлается, всѣ крестятся и молятся, затѣмъ садятся за столъ. Въ 60-хъ годахъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Забужья, между прочимъ, и въ Ломазскомъ приходѣ существовалъ польскій обычай передъ ужиномъ дѣлиться облатками, купленными у органиста ближайшаго костела или у странствующаго католическаго монаха, собирающаго милостыню для своего монастыря, и теперь этотъ обычай во многихъ мѣстахъ еще существуетъ. Во время ужина обыкновенно приходитъ какая-нибудь бѣдная старуха подъ окно хозяина и колядуетъ. Ей выносятъ кусокъ ситнаго хлѣба и пирогъ (колядникъ).

На первый день Рождества Христова послѣ возвращенія изъ церкви собираютъ сѣно со стола и отдаютъ его воламъ и коровамъ, а ржаной снопъ остается на покути до Крещенія.

На второй день въ Ломазахъ, а въ другихъ мѣстахъ и на третій, парни и мальчики отдѣльными группами ходятъ вечеромъ колядовать: одни безъ звѣзды, а другіе со звѣздой. Звѣзду эту (гвязду) дѣлаютъ изъ „обычайки“, стараго рѣшета или сита и бѣлой бумаги, намазанной льнянымъ масломъ для лучшаго пропуска свѣта отъ поставленной внутри горящей свѣчки. Придя цѣлою компаніей подъ окно хаты, колядующіе всѣ хоромъ говорятъ громогласно: „Нехъ бендзе похвалены Езусъ Христусъ. Чи кажэтэ піесню піети своуй дуомъ вѣселити“. А изъ хаты отзываются: „А якой, руськой, чи

пуольской“. Въ одной хатѣ просятъ пѣть русскую такую-то колядку, а въ другой—польскую такую-то пѣсню. И всѣ поютъ, иногда охрипшими голосами, подъ аккомпаниментъ скрипки; послѣ окончанія пѣнія выносятъ имъ колядникъ—ржаной, ситній или пшеничный хлѣбъ, который кладутъ въ мѣшокъ. Затѣмъ подходятъ по очереди къ сосѣдней хатѣ и поютъ русскую или польскую колядку по желанію домохозяевъ. Такимъ образомъ обходятъ всѣ хаты въ селѣ или мѣстечкѣ и собранные „колядники“ на другой день продаютъ и деньгами дѣлятся поровну. Иногда дѣвушки на вырученныя деньги отъ продажи колядниковъ покупаютъ для церкви иконы. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Забужья, какъ, напримѣръ, въ Докудовѣ, Студзянкѣ, Ломазахъ, существуетъ обычай среди парней—ходить по хатамъ въ Рождественскіе праздники (на второй и третій день) ряжеными: козой, конемъ, смертью съ косою, евреемъ, цыганомъ, Иродомъ со свитой, старшиной. Эта труппа доморощенныхъ актеровъ, представляющая собою живой малороссійскій вертепъ или польскую шопку, за свою игру съ польскими и малорусскими діалогами получаетъ въ каждой хатѣ отъ 5 до 10 копѣекъ.

Канунъ Новаго года называютъ здѣсь Гоготами, а вечеръ Щедрымъ вѣчуромъ, такъ какъ ходятъ по хатамъ щедровать (или по мѣстному выраженію) гоготати. Парни и дѣвушки, нерѣдко передѣвшись въ цыганъ, нищихъ, странниковъ, съ самодѣльными масками на лицѣ врываются шумно въ хаты и выпрашиваютъ у хозяевъ хлѣба, сала, денегъ—при этомъ же норовятъ, ловко оглядѣвъ хату, въ шутку стащить, что ближе попадетъ имъ подъ руку. Новый Годъ знаменуется то же хожденіемъ съ поздравленіями и пѣснями дѣтей по хатамъ. Въ Крещеніе же необходимо зажигается освѣщенная свѣча — грумница и копотью ея каждый домохозяинъ дѣлаетъ крестъ въ хатѣ на балкѣ потолка и на верхнихъ косякахъ дверей и оконъ, а хата со всѣми чуланами и сараями окропляется іорданской водою „щобъ нѣчистую силу выгнати, бо якъ свячона вода капнѣ на злого духа, то вуонъ втикае, бо его палить, якъ огонь“.

Въ Срѣтенье несутъ въ церковь для освященія самодѣльныя большія свѣчи — грумницы, копотью которой отецъ семейства дѣлаетъ на потолкѣ хаты черный крестъ. Затѣмъ подходятъ жена и дѣти, становятся подъ крестомъ и батько каждому изъ нихъ поджигаетъ крестообразно концы волосъ вокругъ головы. Кромѣ того свѣча эта зажигается во время грозы „щобъ пѣрунъ не вдаривъ“, и она же подается въ руки умирающему „щобъ одогнати злого духа“. Польско-католическій обычай освящать свѣчи на Срѣтеніе, принятый уніатами, и теперь сохранился въ православныхъ забуж-

ныхъ церквахъ, и въ каждой хатѣ здѣшняго мѣщанина или крестьянина непременно находится грумница, какъ у православныхъ въ Россіи страстная свѣча.

Масленица отправляется въ этомъ краѣ довольно скромно—блиновъ не пекутъ, лишь парни съ дѣвками устраиваютъ себѣ танцы и вечеринку. Но вотъ наступаетъ и Великій постъ со своею исповѣдью и причащеніемъ, передъ которыми и старъ и младъ просятъ другъ у друга прощеніе. А въ Вербное воскресеніе, какъ и въ Малороссіи, дѣти бьютъ другъ друга освященными вербами съ прибауткой: „Вѣрба бѣе, не я бью, Вѣликодѣнь за тыждѣнь“. Освященную вербу затыкаютъ за образа или хранятъ ее въ какомъ-нибудь укромномъ мѣстѣ въ коморѣ до тѣхъ поръ, пока рогатый скотъ стоитъ въ хлѣву. Когда же, весной въ первый разъ его выгоняютъ на пастбище, то этой вербой ударяютъ его и окропляютъ святой водой, чтобы волы и коровы были здоровы и чтобы не съѣли ихъ волки. Послѣ этого вербу или прячутъ или сжигаютъ.

На Пасху, какъ и вездѣ, красятъ яйца въ разные цвѣта, но преимущественно въ красный. Этотъ праздникъ, какъ повсюду, встрѣчаютъ здѣсь съ большою радостью, и самый бѣдный человѣкъ старается сдѣлать себѣ обновку и приготовить пасхальный столъ. По народному вѣрованію, кто умретъ въ первый день Пасхи, тотъ пойдетъ въ Царство небесное, хотя бы былъ и великимъ грѣшникомъ, даже разбойникомъ. Обычай цѣловаться при христосованіи здѣсь нѣтъ, но при встрѣчахъ привѣтствуютъ другъ друга словами: Христось Воскресъ! Воистально воскресъ! Это привѣтствіе употребляется мѣстными жителями съ перваго дня Пасхи до Вознесенія, а въ другое же время года здѣсь существуетъ характерное польское привѣтствіе: „Нехъ бѣндзе похвалены Езусъ Христусъ“.—Съ отвѣтомъ „На вѣки вѣкувъ амѣнь“. „Похвалены“ здѣсь можно слышать на каждомъ шагу, даже и тогда его говорятъ, когда идутъ другъ съ другомъ ругаться и драться. У польской интеллигенціи этого обычая не существуетъ. Разговни у пановъ тѣ же, что и въ Россіи, а мѣщане и крестьяне не накрываютъ пасхальнаго стола, а все съѣстное приготовленное на Пасху держатъ въ коморѣ, какъ въ болѣе прохладномъ мѣстѣ, и когда вся семья соберется въ хату, чтобы разговѣться, то батько самъ выноситъ оттуда большой коробъ, наполненный всякой снѣдью, и говоритъ: Христось воскресъ! Воистально или богоистально воскресъ! отвѣчаетъ семья, и всѣ начинаютъ разговляться, начиная съ яичка и пасхи. Въ этотъ торжественный праздникъ сосѣди и родственники навѣщаютъ другъ друга. При входѣ въ избу привѣтствуютъ хозяина и его жену съ дѣтьми: Христось воскресъ! — Богоистально воскресъ! отвѣчаютъ

гости—и начинается угощеніе ихъ и обоюдныя пожеланія здравія за закуской и водкой — а затѣмъ и разговоръ дѣлается болѣе свободнымъ—повѣряются другъ другу свои бѣды, радости и частенько сквозятъ въ этихъ бесѣдахъ обиды стараго поколѣнія на нынѣшнее молодое. „Роспуста великая тѣперъ на свити. Якъ мы были малыи щѣ за паньщины, то боялися Бога и встыдалися людіей—батькуовъ и матѣруовъ своихъ шановали. А тѣперъ що. Молодыи палять папирсы, никому доброго слова нѣ дадутъ, гуляють до свитѣня, а якъ посварити ихъ трохи, що такъ нѣ годытця робити, то вони туолько сміютьця и злуютъ и насъ старыхъ дурнями называють“. Такъ высказываютъ свое мнѣніе старики о молодомъ поколѣніи, выросшемъ на свободѣ послѣ уничтоженія крѣпостного права. И дѣйствительно замѣчается въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Забужья, что въ послѣднія времена нравственность среди молодого поколѣнія понизилась сравнительно со старымъ, болѣе дисциплинированнымъ въ крѣпостное время.

На Троицу хаты украшаютъ зеленью, и привязываютъ къ рогамъ коровъ и воловъ березовыя вѣтви, а на Зеленьця (15 іюня) дѣвушки готовятъ вѣночки изъ мелкихъ душистыхъ цвѣтовъ и несутъ въ церковь для освященія, а во время грозы, когда зажигается глумныця, кадятъ этими вѣночками въ хатѣ „щобъ пѣрунь нѣ спаливъ хаты“.

На праздникъ Рождества Предтечи и Крестителя Господня Іоанна подъ стрѣху хатъ прикрѣпляютъ зеленыя вѣтви. Въ Докудовѣ мальчики надѣвають вѣнки изъ цвѣтовъ, а дѣвушки пускаютъ свои вѣнки на рѣку и по плаванію ихъ гадаютъ о замужествѣ. Въ эту ночь, по народному повѣрію „папороть цвитѣ и хто той цвіетъ найдѣ, то будѣ міети велике щасъце“. Въ этотъ праздникъ у поляковъ существуетъ обычай обливать водою поутру, когда еще спятъ: близкіе знакомые входятъ въ спальню и выливаютъ стаканъ воды на голову спящаго, а когда тотъ въ недоумѣніи вскакиваетъ—ему говорятъ „А святого Яна“. И потревоженный неожиданнымъ обливаніемъ успокаивается и пускается въ шутливый разговоръ съ посѣтителемъ.

На Успеніе 15 августа освящаютъ макъ, астры, гвоздику и другіе цвѣты. Изъ каждой хаты несутъ пучекъ этихъ цвѣтовъ въ церковь и послѣ освященія закладываютъ его за образа, а когда кто умретъ, то кладутъ въ гробъ (труну) эти цвѣты.

Изъ древнихъ обычаевъ и повѣрій сохранились слѣдующіе: когда кто проходитъ мимо работающихъ, то послѣ обычнаго привѣтствія „Похвалены“ всегда говорятъ: „Помогай Вамъ Боже до работы.—Бугъ заплаць за доброе слово“, отвѣчаютъ ему рабочіе. Если чужой войдетъ

въ хату во время ѣды за столомъ, то хозяинъ или хозяйка всегда говоритъ посѣтителю: Просимо васъ на полудѣнь (или на вечеру или на снѣдане). А вошедшій отвѣчаетъ: Ніежтѣ (или поживайтѣ) здоровы. Когда кто чихнетъ, ему говорятъ: на здорове, и онъ за это благодаритъ: Бугъ заплаць. Когда у маленькихъ дѣтей выпадетъ зубъ, то его бросаютъ подъ печку и говорятъ: На тобіе, мышко, зубокъ костяный, а мніе дай зеліезны. Плевать въ огонь грѣшно, „и хто плюне, тому языкъ спрыщитъ“. Если баба перейдетъ дорогу съ пустыми ведрами или заяць перебѣжитъ дорогу передъ идущимъ или ѣдущимъ, то это считается дурнымъ предзнаменованіемъ, и говорятъ, что будетъ несчастіе. Здѣсь вѣрятъ въ сглазъ, заговоры, ворожбу и дурныя предзнаменованія и примѣты. Нельзя на себѣ починить одежды и бѣлья „бо розумъ муожня зашити“. Всякое явленіе природы и общественной жизни простой народъ объясняетъ по-своему, такъ, на примѣръ, войны бывають для того, чтобы меньше людей было на землѣ, а то земля не могла бы держать много народа. О происхожденіи Юліанскаго и Григоріанскаго календарей существуетъ въ народѣ такое объясненіе: когда Христось родился, то всѣ народы шли къ нему поклониться и принести свои подарки. Полякъ, нѣмецъ, французъ, какъ болѣе ловкіе, наскоро одѣлись и прежде русскихъ прибыли въ Виелеемъ; „повуольны“ русинъ же, пока одѣлъ свой сукманъ и обулся въ постолы, да пока снаряжался въ путь и, наконецъ, добрелъ до мѣста рожденія Христа, то опоздалъ послѣ поляка, нѣмца и француза на 12 дней, и вотъ почему Рождество и другіе русскіе праздники бывають на 12 дней позже польскихъ праздниковъ.

Изъ приведенныхъ образцовъ Ломазской рѣчи видно, что словарь этого говора составленъ изъ двухъ главныхъ элементовъ, развившихся органически въ народной рѣчи—общерусскаго и южно-русскаго, и третьяго—иноязычнаго, вошедшаго вполнѣ въ языкъ народа Забужнаго края, т. е. словъ польскихъ, греческихъ, латинскихъ, нѣмецкихъ, французскихъ и тюрко-татарскихъ. Какъ лучшіе (яркіе) образцы ломазскаго говора можно привести мѣстныя народныя пѣсни, центромъ которыхъ служатъ пѣсни свадебныя. Въ этихъ пѣсняхъ отражаются картинно народные обычаи и обряды, которые традиціонно исполняютъ женихъ, невѣста и свашки съ друзьями. Самымъ главнымъ въ свадебномъ дружбѣ считается старшій маршалокъ, который играетъ роль чашника во время свадебныхъ пиршествъ. Вся эта дружба въ теченіе 3-хъ дней находится неотлучно при молодыхъ и исполняетъ разныя свадебныя обязанности и церемоніи: дѣлають коровай, одѣвають невѣсту, распѣвають пѣсни и т. д.

Привожу выдержки изъ пѣсенъ.

„Маршалокъ сыръ крае
 Бо золотой ножикъ мае } 2 раза.
 Сріэбную тарилочку
 И гуркую горилочку.

Кланяйся Марысько
 Старому малому
 Батенькови родному
 Въ ручки, въ нуожки падай
 Одъ Бога доли жадай.

Найіэхали пэрэзвьяки } 2 раза.
 Що ажъ погнулися лавки;
 Якъ щэ пива напьютьця,
 То щэ нэ такъ погнутьця“.

Кончатся пирь обыкновенно пѣсней, которую напоследокъ за-
 тягиваютъ уходящіе гости во здравіе хозяина, его жены и дѣтей:

Нашъ хозяинъ най живе,
 Многа лита най мае
 Многая, многая лита (3 раза).
 Его жинка най живе,
 Многа лита най мае
 Многая, многая лита (3 раза).
 Его диты най живе,
 Многа лита най мае
 Многая, многая лита. (3 раза).

Вообще нигдѣ въ нашемъ краѣ не сохранилось столько пѣсенъ,
 какъ въ описанной мною мѣстности.

Упомянутые выше остатки глубокой древности въ урочищахъ Цер-
 ковиско, Глухѣ и Монастырищѣ несомнѣнно свидѣтельствуютъ не
 только о заселеніи описанной мною мѣстности въ доисторическія
 времена, но главнымъ образомъ о просвѣщеніи этого края свѣтомъ вѣры
 Христовой тотчасъ же по крещеніи всей Руси; возможно допустить,
 что въ Ломазахъ и ихъ окрестностяхъ были учреждены первыя
 православныя церкви какъ св. Равноапостольнымъ Княземъ Влади-
 міромъ, такъ и просвѣтителями земли Русской свв. Кирилломъ
 и Меодіемъ и лишь благодаря географическому положенію этой
 мѣстности, стоящей сторожевымъ пунктомъ Подляшья, постоянно
 отражавшимъ враговъ, всѣ памятники старины истреблялись не-

пріятелями при ихъ набѣгахъ и во время междуусобныхъ войнъ, а затѣмъ и намѣренно уничтожались врагами русской народности и православія. Сохранились только преданія о древнихъ памятникахъ православія въ нашемъ краѣ; документальныя же свѣдѣнія имѣются лишь о постройкѣ въ X-мъ вѣкѣ одной только церкви во имя Святителя Николая въ г. Люблинѣ¹⁾, но едва-ли возможно допустить, что въ этомъ вѣкѣ былъ только одинъ православный храмъ.

Завѣсу, скрывающую отъ насъ драгоцѣнныя свѣдѣнія о первыхъ вѣкахъ жизни православія и русской народности на Подляшѣ, могутъ сдвинуть лишь работы археологическаго общества, которому и слѣдовало бы проявить свою энергію, именно въ этой мѣстности, гдѣ столь много интереснаго и драгоцѣннаго для каждаго русскаго человѣка, но необходимо по возможности скорѣе приступить къ этимъ поистинѣ благимъ трудамъ, ибо съ каждымъ годомъ сохранившіяся еще немногія преданія меркнутъ, а съ ними рука объ руку и уничтожаются безжалостною силою времени тѣ остатки памятниковъ, которые могутъ еще служить вѣхами къ достиженію благихъ результатовъ—раскрытія цѣнныхъ матеріаловъ нашей родной старины этого издревле русскаго края.

В. П. М—нъ.

¹⁾ Батюшковъ, стр. 39.